

МЕЛВИН БРЭГГ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Мелвин Брэгг

Приключения

английского языка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22587580

Приключения английского языка / Мелвин Брэгг; 3-е изд.: Альпина нон-фикшн; Москва; 2016

ISBN 978-5-9614-4462-9

Аннотация

Английский язык для автора – существо одушевленное, он рассматривает его историю от первых англосаксов в раннем Средневековье, через набеги викингов, норманнское завоевание, произведения Чосера и Шекспира, промышленную революцию. Брэгг отслеживает и кругосветное путешествие, проделанное английским в кильватере британского империализма, повсюду сопровождая своего героя – и в Америку, и в Индию, и в Австралию. Несколько глав посвящено американскому английскому и его развитию под влиянием самых разных факторов – от путевых журналов Льюиса и Кларка до африканских диалектов, завезенных рабами. Заглядывая вперед, Мелвин размышляет о том, как повлияют на литературный нормативный язык «другие англиши», используемые теми, для кого этот язык – второй.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие	13
1. Общий язык	19
2. Великое избавление	46
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мелвин Брэгг

Приключения

английского языка

Переводчики *Наталья Мацкевич, Андрей Гришин*

Редактор *Тамара Казакова*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *М. Миловидова, С. Мозалёва*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайнер обложки *О. Белорус*

© Melvyn Bragg, 2003

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

Издано по лицензии Sheil Land Associates и Synopsis Literary Agency

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца ав-

торских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

*** * ***

*Посвящается моим хорошим друзьям Грегу и
Сью*

Предисловие к русскому изданию

Русская литература несказанно обогатила меня и многих моих друзей. Я всерьез обратился к ней примерно лет в семнадцать. Начал с пьес Чехова, потом перешел к Толстому, Пушкину, Достоевскому, Гоголю и другим классикам, а также к авторам XX столетия. Я читал эти книги в английских переводах и глубоко благодарен тем людям, которые взяли на себя этот труд.

Вот почему перевод этой книги на русский язык – большая честь для меня, и меня радует, что этот рассказ о становлении английского языка во всей его многоликости и разнообразии кому-то поможет лучше понять его. Впрочем, я уверен, что по богатой истории, выразительности и многогранности русский язык нисколько не уступает английскому, а в чем-то даже и превосходит его – благодаря взаимодействию с множеством других языков и диалектов и на таком огромном пространстве!

Но эта повесть написана на английском языке об английском языке.

Она берет свое начало около двадцати лет назад, когда я подготовил для радио Би-би-си получасовую программу о языке моих детских лет, сильно отличавшемся от нормативного английского языка того времени, можно даже сказать, имевшем с ним очень мало общего. Не то чтобы это был со-

всем иной язык, как, допустим, валлийский или гэльский, но ничуть не более понятный для «образованных». Не менее примечательно и то, что еще пятьдесят – шестьдесят лет назад язык моего детства воспринимался высокообразованными людьми как грубое просторечие, не заслуживающее высокого звания английского языка.

Однако обратившись к речи далеких школьных лет, я обнаружил, что пренебрежительное отношение к ней со стороны «образованных» было, по большей части, ошибочным или предвзятым. Многие из тех слов имели почтенную и древнюю родословную. Часть из них пришла в страну в V веке вместе с нашествием германских племен с севера нынешней Голландии. Другие имеют еще более древние, кельтские корни. Много слов появилось во времена великого вторжения викингов в VIII и IX веках. Кроме того, в моем родном городе языковая обстановка складывалась еще причудливее. Зимой там располагались таборами цыгане, чей язык включал много слов санскритского происхождения, пришедших из прародины цыган – Индии. Сюда же следует добавить слова из лексикона опубликованной в 1611 году Библии короля Якова, знакомой каждому жителю нашего небольшого городка, где на 5000 человек населения имелось двенадцать церквей разных конфессий. Прибавьте сюда еще и наследие французов-нормандцев, завоевавших Англию в 1066 году, и вы получите чрезвычайно сложное «переплетение словес».

Мы, чумазые оборвыши из простых рабочих семей – в

особенности мальчишки! – сами того не подозревая, представляли собой ходячие лингвистические энциклопедии. В 1940-е годы нашу речь вообще никто не удостоивал внимания. Одной из причин было все еще сохранявшееся сословное деление общества, согласно которому человек низкого происхождения или уровня доходов не обладает развитым умом и не способен к пониманию высоких материй. Была и другая причина: мы не просто употребляли забытые или отвергнутые «образованными» слова, но и произносили их с сильнейшим акцентом. Вообще-то мы были твердо убеждены: люди из «высшего общества» и не должны понимать нас! Наш язык был нашей собственностью, и те, кто не владел им и презирал его, не имел права понимать его и истолковывать.

За полчасовой программой на радио Би-би-си последовал цикл из двадцати пяти передач, где рассматривались различные диалекты и говоры английского языка за 1500 лет. Эти передачи так заинтересовали слушателей, что их повторяли трижды – случай для Би-би-си, по-моему, уникальный. После этого я подготовил для телевидения цикл из восьми передач под общим названием «Приключения английского языка» и в конце концов, окруженный кипами собранных материалов, казалось, готовых в любой момент обрушиться и похоронить меня, решил написать на их основе книгу.

В этой книге два героя – сама Британия и ее язык. Язык отражает ее характер, выявляет или скрывает ее особенности, и именно в языке страны в наибольшей степени выра-

жается ее сущность.

Однако я с самого начала, учитывая собственный опыт, знал, что имею дело не с одним-единственным языком. Когда я одиннадцати лет от роду поступил в классическую гимназию, где от нас требовали, чтобы мы говорили на благопристойном английском языке, используя нормативное произношение (как это было принято называть), я пересек границу двух сословий и в результате говорил на двух языках. Один был предназначен для дома и улицы, второй – для школы, моего собственного литературного творчества, а затем для университета и для Лондона, где я работал на Би-би-си.

Владение этими двумя языками, выросшими из одного корня, оказалось чрезвычайно полезным, когда я задумал разобрать, а затем сложить воедино жизнь английского языка за 1500 лет. Попытавшись понять, каким образом диалект одного из мелких германских племен, на котором в V веке говорили от силы 100 000 жителей Британии, за полтора тысячелетия превратился в язык, на котором устно и письменно общаются свыше 2 млрд человек по всему миру, я пришел к двоякому объяснению.

У этого превращения есть любопытная особенность: исходные диалекты английского языка до сих пор хорошо сохраняются в городах и весях и передаются не менее успешно, чем язык литературный, «цивилизованный». Скажем, в Вест-Индии существует множество «английских» диалектов, образовавшихся путем скрещивания с другими языками.

ми, занесенными туда в свое время. Но эти креольские диалекты очень мало отличаются от того сельского диалекта в самой Англии, на котором писали свои стихи Т. Харди и Д. Лоуренс.

Кроме того, существует и другой английский язык (точнее, английские языки), язык улиц – нечто вроде местного наречия. Свое наречие есть и в Чикаго (Северная Америка), и в Сиднее (Австралия), и в Ньюкасле (Англия), и во многих других местах.

Да и сам литературный английский язык тоже постоянно совершенствуется, причем не только там, где он является основным средством общения – в Англии, в Америке, Австралии и Канаде, – но также, например, в Индии, где многие писатели, от Нараяна до Рушди, пользуясь английским языком, придают ему богатый колорит при помощи ритмики и слов из различных языков Индии. В целом развитие английского языка происходит в двух направлениях. Иногда уличный язык подхватывает новые слова, приходящие из английского языка, но не чурается и заимствований из других источников, и чаще всего это происходит на стыке двух культур. В этом можно убедиться как в Лондоне, так и едва ли не во всех уголках мира.

Существует еще и «авторизованный» английский язык, который, если можно так выразиться, обитает в «Оксфордском английском словаре». Прежде чем слово с улицы, или поля, или необжитых пустошей, или из глухих лесов попадет

в этот великий лексический канон, чтобы остаться там до тех пор, покуда бумага не истлеет, должно пройти немало лет, накопиться множество примеров его употребления. Каждое издание словаря фиксирует очередной шаг, сделанный языком в своем развитии.

Полагаю, именно динамическому активному взаимодействию этих источников английский язык в значительной степени обязан феерическим успехом своего распространения по миру.

Есть, конечно, более очевидные и приземленные объяснения. Во-первых, существование Британской, а затем и американской империй, которые разнесли английский язык по земному шару. Протестантские миссионеры, ведомые верой в силу Слова, с Библией короля Якова в руках проникли во все закоулки мира, и писатели многих стран восприняли английский как второй язык, вполне пригодный для выражения их мыслей и опыта. Достаточно назвать в качестве примера писателя-мариниста Джозефа Конрада, родившегося и выросшего в Польше.

Ураган языкотворческих традиций в нашей стране бушует вовсю и по сей день. Говорят, что в Лондоне можно услышать речь на всех языках, какие только существуют в мире (впрочем, я сомневаюсь, что здесь так уж легко встретиться с представителями племен, затерянных в глубинах джунглей Амазонки или кочующих по заполярной Арктике). Тем не менее здесь бурлит водоворот слов и понятий. Стоит мне

пройтись по трем-четырем улицам близ Сохо, в центре Лондона, где находится мой офис, ухо различает не только звуки нескольких языков, но и смесь языков, искусно добавленных, как фрукты в салат, в некий новый английский язык, что, вне всякого сомнения, стимулирует развитие английского языка.

Я глубоко признателен Наталье Мацкевич, которая взяла на себя чрезвычайно трудную – с учетом огромного количества использованных источников и колоссального объема лексического материала – задачу перевода этой книги. Мне очень приятно сознавать, что, испытав благотворное влияние переводов с русского, я получил возможность познакомиться с жизнью моего родного языка.

Предисловие

Путь превращения нескольких локальных племенных германских диалектов, на которых общались всего 150 000 человек, в язык международного общения для 1,5 млрд человек представляет собой захватывающее приключение. Историю превращения мы и поведаем на страницах этой книги. Английский язык зародился около 1500 лет назад. Его первым домом стала Англия.

С самого начала его окружали соперники, опасности и угрозы: он избежал вымирания и пережил попытку удушения; он отважно противостоял грабежу, использовал и упускал возможности; вел и ведет счет достижениям и потерям. Ожесточенные битвы за слова решали, какому наречию победить. Но все же английский язык обладал и обладает величайшими сокровищами: шедеврами литературы, устойчивым строем, и в наши дни обеспечивающими всему миру возможность общаться.

Эта книга о том, с чего начинался и как успешно развивался английский язык. Здесь рассказывается о словах, с помощью которых мы описываем жизнь, мыслим, слагаем песни и ведем беседы. О словах, посредством которых развивается наше воображение и представление о самих себе. Конечно, язык существует для многочисленных пользователей только в устной, мысленной и письменной форме, однако

мне представляется, что он живет собственной жизнью и обладает собственным характером. Профессиональные лингвисты могут оспорить подобное утверждение, однако некоторые историки порой утверждают, что Англия живет собственной жизнью, так почему бы автору этой книги тоже не рассматривать наш язык как живой организм.

У людей нет достоверных сведений о времени зарождения человеческого языка. 100 000 лет назад? Или позже? Возможно, он начался со знаков и сигналов, с мимики и жестов, многими из которых человечество пользуется и по сей день. Мы знаем, о чем «говорит» выражение лица. Мы понимаем язык тела, а наши выкрики страха или восторга едва ли отличаются от тех, что издавал *Homo sapiens* 100 000 лет назад. Потом язык начал развиваться. Нам не дано узнать, кто первым заложил основы. Стивен Пинкер и другие исследователи полагают, что способность к языку – языковой инстинкт – присущи *Homo sapiens* с рождения. Оставалось только найти способы и возможности, чтобы превратить этот инстинкт в слова.

Но кто же создал первые слова? Кто в наши дни создает новые слова? Известно, что из-под пера Шекспира вышло по крайней мере 2000 новых слов, но большинство слов порождается народом. Какой-нибудь американский первопроходец вроде Дэви Крокетта способен к словотворчеству не меньше главы колледжа в Кембридже.

Первые слова придумали те, кто возделывал землю и за

века близости к природе освоил ее вдоль и поперек. Скорее всего, именно они в силу необходимости давали названия увиденному, в первую очередь – предметам обихода и животным, которые представляли для них опасность или источник пищи. Присвоение имен можно считать наиболее демократическим общественным процессом за всю историю человечества. Язык – величайшее достижение культуры, и английский язык, на мой взгляд, является одним из наиболее значительных вкладов нашей родины в мировую культуру.

Несколько лет назад я подготовил для радио Би-би-си 25 выпусков передачи *The Routes of English* («Пути английского языка»), общей отправной точкой которых стало изменение и развитие английского языка. Моей собственной отправной точкой можно считать детство: тогда я с заметным акцентом говорил на диалекте, основанном на древнескандинавских источниках; чтобы учиться в классической гимназии, мне пришлось освоить нормативный английский язык, широко известный как речь дикторов Би-би-си. В моем говоре также присутствовали отголоски цыганского языка, и сам диалект был прочно связан с миром сельского хозяйства, расположенным вне городских стен.

При этом я давно хотел создать еще один цикл передач, посвященный истории английского языка, чтобы в них история, которую я изучал в университете, воссоединилась с английским, который я изучал до, во время и после университетского курса. Канал ITV мое предложение утвердил, и

так появилась постоянная программа. Эта книга раскрывает материал гораздо полнее, чем передачи, но придерживается того же принципа, который я предпочел изначально, то есть представляет собой повествование о приключениях.

Я не профессиональный языковед, но мне во многом помогли ученые, которым я отдаю должное в этой книге. В нашей стране во многих областях знаний существует традиция допустимого любительства: многие врачи были биологами и орнитологами; аристократы – физиками, зоологами и историками; много замечательных эрудитов было среди лиц духовного звания... Поэтому смею надеяться, что и меня примут в ряды таких любителей.

Вследствие любительского статуса, несмотря на проведенные мной тщательные исследования, данную книгу нельзя отнести к разряду академических: она рассчитана на широкого читателя. В частности, порой приходилось принимать нелегкие решения о написании отдельных слов, которое столь часто коренным образом менялось со временем: я сохранял изначальное написание там, где это имело решающее значение для сюжета, однако склонялся к более современному написанию там, где, по моему мнению, доводы и примеры более ярко и убедительно звучали именно в современном варианте.

«Саксонско-латинско-датско-нормандский наш язык» – так выглядит известное высказывание Даниеля Дефо об английском языке. В наши дни ему пришлось бы упомянуть

еще несколько источников: индийский, вест-индский, всемирно-технический и особенно американский. Американское влияние на английский язык было и остается чрезвычайно важным, и можно считать счастливым стечением обстоятельств нашего приключения то, что именно английский язык (а на его месте мог оказаться французский, испанский или немецкий) был принят в этой новой стране – локомотиве современного мира. Америка привнесла немало слов в сокровищницу языка, хотя при этом ее язык, как и язык Британской империи, преемницей которой она стала, тоже понес свои потери, о каковых говорится и в нашей книге.

Книга приглашает вас совершить путешествие сквозь время и пространство – из Фрисландии V века в Сингапур наших дней, из Уэссекса времен короля Альфреда на Дикий Запад Баффало Билла, с равнин Индии в монастыри Святого острова Линдисфарна, из Вестминстерского дворца к носителям африканского языка гулла (или оромо), живущим в южных штатах США. Вместе с главным героем мы будем возвращаться в прошлое, черпая из латыни, греческого, древнееврейского и санскрита, а попутно позаимствуем кое-что из французского, итальянского, арабского, китайского и многих других языков. Английский язык до сих пор пользуется основным словарным запасом первых завоевателей, но добавил к нему множество новых слов и понятий, подобно тому как возводят башни из кубиков. Благодаря ему наши чувства и мысли расходятся по всей планете. Наш герой и

по сей день, где бы ни оказался, снова и снова без устали создает новые «английские языки».

1. Общий язык

С чего же все началось? Как современный английский язык, которым пользуются более миллиарда человек, впервые обрел голос? Где и когда начал он приобретать знакомые нам формы, привычное звучание? Как он, выходец из отдаленного, неправдоподобно малого местечка на карте мира, достиг столь головокружительного успеха?

Если говорить об Англии, язык, ставший впоследствии английским, в V веке привезли на остров из-за моря воинственные германские племена. Приглашенные в качестве наемников для укрепления того, что осталось после распада Римской империи, они задержались, чтобы урвать свою долю добычи, а затем пустили здесь корни. Как утверждали захватчики в своих хвастливых летописях в записи за 449 год, местные народы, кельты или бритты, были «никчемными», а «плодородная земля» притягательна. Запись могла быть сделана и позже, но суть остается та же: это было место изобилия. Англосаксонский историк Беда Достопочтенный в письме к римскому консулу Аэцию отмечает «стоны бриттов», страдающих от притеснений со стороны германских племен: «Варвары теснят нас к морю, море отталкивает обратно к варварам; между этими двумя смертями приходится нам выбирать: либо утонуть, либо быть убитыми».

Какой яркий образ! Английский язык прибывает на ме-

сто действия, подобно адской фурии, привезенной на тихие берега заброшенного имперского аванпоста бесстрашными и воинственными язычниками, бороздящими китовый путь на своих «морских скакунах». На протяжении 1500 лет жизненность этого образа, рисующего распространение английского языка по миру (порой его приход сопровождался поистине варварским насилием), неоднократно подтверждалась действительностью. Эта грандиозная колонизация стала со временем одной из наиболее примечательных особенностей языка.

Но было в этой истории и другое. Многие пришельцы явились на эти берега с миром, как крестьяне в поисках лучшей доли; они обрели здесь дом и относительное спокойствие, сменили уныние и холод приморских равнин материка на богатство пастбищ. Благодаря этим поселенцам семя английского языка попало в плодородную почву. Способность глубоко укореняться на чужой земле стала другой сильной стороной английского языка.

А еще были многочисленные племена или крошечные королевства – одно время их насчитывалась целая дюжина, – которые в разное время появлялись на сцене и отличались по силе и численности: преимущественно саксы, англ и юты, разрозненные группы, говорившие на разных диалектах. Они понимали речь соседей, но нередко враждовали с ними. Эта ситуация тоже стала частью общей истории, проявившись не только в местных диалектах на родине, но и во

множестве разновидностей языка за ее пределами.

Несмотря на «стоны бриттов», без боя они не сдавались. Борьба с британскими кельтами продолжалась более ста лет; оборонительные, преимущественно арьергардные бои, подарившие британцам величайшего мифологического героя, Артура, все же увенчались успехом: кельтский язык, находившийся под угрозой исчезновения под натиском германских племен, удалось спасти; он сохранился в неприкосновенности в Уэльсе, в Корнуолле, на севере Шотландии, в гэльском языке. И это тоже часть нашего приключения: язык, как ненасытное существо, требовал все больше и больше подданных, то теряя, то приобретая.

Английскому языку понадобилось два-три столетия, чтобы стать чем-то большим, чем первый среди равных. С самого рождения он закалялся в сражениях, осваивая тактики и стратегии выживания и захвата. Когда прибыли первые племена, нельзя было предугадать, чей диалект станет господствующим и станет ли вообще. Из-за неорганизованности территории, большинство населения которой было носителями кельтского, порой слегка приправленного латынью, английский становился общим языком лишь постепенно; особенно много времени заняло его распространение там, где племена жестко оберегали свою независимость и сохраняли контроль над территорией. Тут имели место удача, хитрость и еще истоки наиболее изощренного и беспощадного свойства английского языка – способности поглощать дру-

гие языки.

Если отправиться в нидерландскую промышленную провинцию Фрисландию на Северном море, там можно услышать речь, которую специалисты считают по произношению наиболее близкой к праязыку современных англичан. Вот где остро ощущается ограниченность печатного слова по сравнению с радио и телевидением, где уши уловят и поймут слова, которые глаза воспримут как чужеродные! Глаза боятся, а уши, так сказать, понимают. Если, не зная языка, послушать местного синоптика Пита Паулюсмана, сообщającego, что *En as we dan Maart noch even besjoche, Maart hawwe we toch in oantal dajan om de froast en friezen diet it toch sa'n njoggen dagen dat foaral oan'e grun*, и выхватить из его речи такие слова, как *triје* (ср. англ. *three*, три) и *fjour* (*four*, четыре), *froast* (*frost*, мороз) и *frieze* (*freeze*, замерзать), *mist* (туман) и *blau* (*blue*, голубой), мы можем что-то уловить, будто эхо, но общий смысл все еще ускользает. Если же в момент произношения слов одновременно читать их с экрана, скоро некоторые из них становятся знакомыми. Стоит вслушаться внимательнее, и мы совершим путешествие во времени к языку предков. Если бы норманны не завоевали Англию, англичане тоже говорили бы в наши дни не *Also there's a chance of mist, and then tomorrow quite a bit of sun, blue in the sky* (возможен также туман, а затем завтра будет довольно солнечно, небо ясное, безоблачное), а *En fierders, de kais op mist. En dan*

moarn, en dan mei flink wat sinne, blau yn'e loft en dat betsjut dat.

Если походить по фризскому острову Терсхеллинг, можно услышать слова, настолько близкие по звучанию и написанию к английскому, что сомнений не остается: фризский язык послужил предком английскому. В магазинах нам попадется *laam* (*lamb*, баранина), *goes* (*goose*, гусь), *buter* (*butter*, масло), *brea* (*bread*, хлеб), *tsiis* (*cheese*, сыр); на улицах – *see* (*sea*, море), *stoarm* (*storm*, шторм), *boat* (лодка), *rein* (*rain*, дождь) и *snie* (*snow*, снег), а в домах – *miel* (*meal*, пища) и *sliepe* (*sleep*, сон, спать). Даже целые фразы, подслушанные где-нибудь на улице, из которых вы не могли бы перевести ни единого слова, кажутся на удивление знакомыми. Полагаю, для многих носителей английского языка за пределами Великобритании звучание этих слов было бы не более понятным, чем один из современных диалектов Англии – джорди, устойчивостью которого гордятся уроженцы Ньюкасла. Эту речь воспринимаешь как родню, которую просто обязан понимать.

Но где истоки фризского языка?

В 1786 году сэр Уильям Джонс, британский судья, филолог-любитель и основатель сравнительно-исторического языкознания, на службе в Индии после тщательного исследования санскрита, существовавшего по меньшей мере с 2000 года до н. э. в ведических гимнах, писал: «И готский, и кельтский языки, хотя и смешанные с совершенно различными

наречиями, имели то же происхождение, что и санскрит».

И он был прав. Праиндоевропейский язык – наш общий предок, и санскрит, без сомнения, один из древнейших засвидетельствованных членов языковой семьи, из которой вышли языки европейские (за исключением баскского, эстонского, финского и венгерского) и многие азиатские. Санскрит был флективным языком, в котором доминировало словоизменение при помощи флексий, указывавших на грамматические функции имен существительных (с помощью падежа и числа) и глаголов (с помощью лица, времени и наклонения). Германская группа, подобно кельтской и греческой, образовала подгруппу западной индоевропейской семьи и далее разделилась на три группы: восточную (не сохранившуюся до наших дней), северную (скандинавские языки, в том числе древнеисландский) и западную (нидерландский, немецкий, английский и фризский, причем последний является наиболее близким родственником древнеанглийского).

Сходство некоторых элементов в этих языках поразительно: в санскрите слово, обозначающее отца, – *pitar*, в греческом и латыни – *pater*, в немецком – *Vater*, в английском – *father*. Брат по-английски – *brother*, по-нидерландски – *breeder*, по-немецки – *Bruder*, на санскрите – *bhratar*. Мало существует более наглядных примеров распространения и движения языка и взаимосвязей народов.

Значит, откуда-то с равнин Индии более 4000 лет назад

началось странствие языка, который впоследствии стал английским. Ему предстояло продвигаться все время на запад, к краю Евразии, в Англию, затем в Америку и далее через Тихий океан, где его встретили освоившие восточно-азиатский регион вплоть до Дальнего Востока британские торговцы. Таким образом круг замкнулся.

По утверждению Беды Достопочтенного, писавшего в начале VIII века, Эссекс, Суссекс и Уэссекс были основаны саксами; Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия – англами; юты заняли Кент и остров Уайт. Порой они бывали беспощадными. Истории известны случаи, когда захватчики убивали без разбору мужчин, женщин и детей. Такая участь постигла, например, обитателей замка Певенси – древнеримской крепости, в которой нашли убежище кельты. То же происходило на территории, ставшей впоследствии Англией, и с кельтским языком в период с 500 года до приблизительно 750 года.

Кельтский язык, язык достойной восхищения цивилизации, почти не оставил следа в английском, несмотря на то что на нем еще до германского завоевания говорило подавляющее большинство населения. Было подсчитано, что язык-завоеватель заимствовал из него не более двух дюжин слов. Это в основном слова, описывающие особенности ландшафта. К примеру, в гористом Озерном крае, где проживает автор этой книги, холм или его вершину до сих пор

называют *tor* и *pen*, что сохранилось в наименованиях местных деревушек и городов, таких как Торпенхау и Пенрит; название Фрайерс Крэг (*Friar's Crag*), что в Кесвике, месте основания Национального треста, организации по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест, донесло до наших дней слово *crag*; есть еще *luh* или *lough*, обозначающие озеро или бухту. Среди других ярких примеров несколько рек – Темза, Дон, Эск, Уай и Эйвон (от валлийского *afon* – река); кроме того, кельтские названия носят два значимых английских города – Дувр и Лондон.

Почему же так мало кельтских слов проникло в язык, которому суждено было вырасти под знаком проникновения и поглощения?

Возможно, одна из причин кроется в том, что завоеватели презирали покоренных ими туземцев. Они называли кельтов *Wealas*, что позднее стало *Welsh* – валлийцы или уэльсцы, а 1500 лет назад означало рабов или чужеземцев, в каковых кельты и превратились в собственной стране. Кроме того, кельты со своим языком населили другие территории, среди которых в первую очередь следует упомянуть Уэльс, а также Корнуолл, Бретань и гэльские земли, где они бережно и ревниво хранили родной язык, уделяя особое внимание культурной преемственности. Рискну предположить, что в поисках самого себя могучий голос английского языка, отделенного морским простором от своих корней и обретшего новый дом, стремился охватить все пространство, на кото-

рое претендовал. Покуда английский язык рос и креп, участью остальных стало жестокое истребление: прежде чем обрести уверенность, достаточную, чтобы воспринимать новые слова, ему требовалось собственное место под солнцем. Захватчики поначалу вполне довольствовались словарным запасом собственного языка и укрепляли его позиции на новой земле.

Аналогичная участь постигла римское наследие, хотя захватчики и позаимствовали некоторые слова из речи кельтов. Римляне находились в Англии с 43 года до н. э. по 410 год н. э., и многие кельтские бритты использовали в речи или знали отдельные латинские слова. Однако латинское влияние на английский язык захватчиков в первые полторы сотни лет было малозначительным – не более двух сотен слов: *planta* (*plant*, растение), *win* (*wine*, вино), *catte* (*cat*, кот), *cetel* (*kettle*, чайник), *candel* (*candle*, свеча), *ancor* (*anchor*, якорь), *cest* (*chest*, ящик), *forca* (*fork*, вилка); несколько слов из строительства: *weall* (*wall*, стена), *ceaster* (*camp*, лагерь), *straet* (*road*, дорога), *mortere* (*mortar*, цементный строительный раствор), *epistula* (*letter*, письмо), *rosa* (*rose*, роза). Латинское влияние возродилось позднее с введением христианства, но англ, саксы и юты, подобно кельтам, перенимали от других очень немного. Возможно, они отвергли римлян потому, что не хотели склонить головы перед языком, а вместе с ним и перед народом, который исторически притягивал на превосходство. Подобно тому как местные народы –

кельты – были поработаны, а их язык отвергнут, остатки империи были решительно отвергнуты заодно с ее знаменитыми и ставшими классикой изречениями. Заимствования составляли менее 3 % словарного состава древнеанглийского языка. Захватчики придерживались этого принципа так же строго, как их потомки-пуритане, которые тысячу лет спустя отправились в Америку.

Хотя пуристы и утверждают, что английский язык не существовал по-настоящему до конца IX века, до Альфреда Великого, но вряд ли стоит сомневаться в том, что по мере все возрастающего укрепления и объединения своих многочисленных вариантов один из его ранних диалектов оформился позднее в общий язык.

Это хорошо заметно в английской топонимике: в суффиксе современных географических названий *-ing*, означающем происхождение, отчество и окружающем англичан повсюду: Илинг, Доркинг (от *ing* – луг), Уэртинг, Рединг, Гастингс; в *-ton*, означающем огражденный участок, городок или деревню, как, например, в Уигтоне, где родился автор этой книги, а также Уилтоне, Тонтоне, Бридлингтоне, Аштоне, Бертоне, Кредитоне, Лутоне; в *-ham*, означающем ферму – Бирмингем, Чиппенхем, Грантем, Фулхэм, Тоттенхем, Ноттингем. Примеров сотни. Это были прямолинейные территориальные притязания. Язык словно говорил: «Это наша земля, мы владеем ей и сами решаем, как она будет называться».

А потом наступило время кропотливого труда: заклады-

вались основы английского языка, которые стойко держатся и по сей день.

Наша обиходная речь до сих пор основана на древнеанглийском пласте лексики. К этому пласту относятся такие распространенные слова, как английские *быть, вы, человек, сын, дочь, друг, дом, питье (пить), здесь, там, определенный артикль the, в, на, у, от, прийти и идти, овца и пастух, вол, земля, лошадь, почва, плуг (пахать), свинья, мышь, собака, лес, поле, работа, глаза, уши, рот, нос (нюх), бульон, рыба, дичь, сельдь, любовь, жажда, нравиться, петь, веселье, радость, смех, ночь, день, солнце, слово* – как говорится, *come hell or high water* (хоть ад, хоть потоп, то есть лексика на все случаи жизни). Эти слова – основа языка. Носитель современного английского может вести умные беседы, пользуясь древнеанглийским лексиконом, и лишь изредка отклоняться от него. Почти все слова из сотни самых популярных английских слов со всего мира, где бы на нем ни говорили, берут начало в древнеанглийском. Есть еще три слова из древнеисландского (*they, their, them* – они, их, им), а первое слово французского происхождения – номер (в списке оно значится под номером 76).

Вот эта сотня: 1) определенный артикль *the*; 2) служебное слово *of*; 3) *and*, и; 4) неопределенный артикль *a*; 5) *to*, к; 6) *in*, в; 7) *is*, быть (3 л., ед. ч.); 8) *you*, вы; 9) *that*, что, то; 10) *it*, оно; 11) *he*, он; 12) *was*, быть (пр. вр.); 13) *for*, для; 14) *on*, на; 15) *are*, быть (мн. ч.); 16) *as*, как; 17) *with*, с; 18) *his*, его; 19)

they, они; 20) *I*, я; 21) *at*, в, к; 22) *be*, быть; 23) *this*, это (т); 24) *have*, иметь; 25) *from*, из, от; 26) *or*, или; 27) *one*, один; 28) *had*, иметь (пр. вр.); 29) *by*, к, кем; 30) *word*, слово; 31) *but*, но; 32) *not*, не; 33) *what*, что; 34) *all*, все; 35) *were*, быть (пр. вр., мн. ч.); 36) *we*, мы; 37) *when*, когда; 38) *your*, ваш; 39) *can*, мочь; 40) *said*, сказать (пр. вр.); 41) *there*, там; 42) *use*, использование, использовать; 43) неопределенный артикль *an*; 44) *each*, каждый; 45) *which*, который; 46) *she*, она; 47) *do*, делать, вспомогательный глагол; 48) *how*, как; 49) *their*, их; 50) *if*, если; 51) *will*, быть (буд. вр.); 52) *up*, служебное слово, вверх; 53) *other*, другой; 54) *about*, о; 55) *out*, служебное слово, вне; 56) *many*, много; 57) *then*, тогда; 58) *them*, им; 59) *these*, эти; 60) *so*, так; 61) *some*, несколько; 62) *her*, ей, ее; 63) *would*, бы; 64) *make*, делать; 65) *like*, нравиться, как; 66) *him*, ему, его; 67) *into*, внутрь; 68) *time*, время; 69) *has*, иметь (3 л.); 70) *look*, смотреть; 71) *two*, два; 72) *more*, более; 73) *write*, писать; 74) *go*, идти; 75) *see*, видеть; 76) *number*, номер; 77) *no*, нет; 78) *way*, путь; 79) *could*, мог, модальный глагол; 80) *people*, люди, народ; 81) *my*, мой; 82) *than*, чем; 83) *first*, первый; 84) *water*, вода; 85) *been*, быть (3 форма глагола); 86) *call*, звать, звонок; 87) *who*, кто; 88) *oil*, масло; 89) *its*, его (ср. р.); 90) *now*, сейчас; 91) *find*, найти; 92) *long*, длинный; 93) *down*, служебное слово, вниз; 94) *day*, день; 95) *did*, делать, вспомогательный глагол (пр. вр.); 96) *get*, получать; 97) *come*, приходить; 98) *made*, сделанный; 99) *may*, мочь, возможно; 100) *part*, часть.

Английский язык также внедрился в семью, дружбу, землю, верность, войну, числа, удовольствие, празднование, животных, хлеб жизни и соль земли. Этот могучий и стойкий язык стал достойной основой удивительных памятников науки и литературы, сюрреалистических анекдотов и песен – величественных и сентиментальных.

Оглядываясь назад и зная последствия, начинаешь явно ощущать: язык ведал, что творит; он строил себя медленно, но на века; он испытывал себя в соперничестве племен, подобно тому как в последующие столетия его испытывали сражавшиеся друг с другом народы; он готовился к борьбе и был готов на все, создавая собственный образ. При всей своей несомненной примитивности и сравнительно скудном словарном запасе – письменно зарегистрировано 25 000 слов в сравнении с сегодняшними сотнями тысяч – он был способен достичь величия.

«Мы будем сражаться на берегу, – говорил Черчилль в 1940 году, – мы будем сражаться на посадочных площадках, мы будем сражаться в полях и на улицах, мы будем сражаться в горах, мы никогда не сдадимся». Здесь только слово «сдаваться» не древнеанглийское. Это уже само по себе значимо.

Затем вернулся Рим, но не с мечом, а с крестом. В 597 году в Кент прибыл Августин, посланец священного Рима, которого папа Григорий I наделил всеми возможными полномочиями. Папу поразила внешность светловолосых маль-

чиков-рабов («не англы, а ангелы», — якобы изрек папа). А в 635 году на север Англии из Ионского монастыря прибыл епископ Айдан, исполненный апостольского рвения и свирепой воинственности ирландской кельтской церкви. Эти исторические лица и их последователи подпитывали растущий английский язык церковной латынью — в отдаленных монастырях, в закрытых орденах, на сокровенных службах и в самозабвенной набожности, не боясь угроз и невзирая на препятствия. Постепенно английский язык (полагаю, отчасти потому, что мог контролировать низовое звено церковного сословия) вобрал в себя латынь, второй классический язык древнего мира, а тот контрабандой провел с собой греческий. Поглощающая способность английского языка и его тяготение к многослойности начались с заимствованных слов.

Эти слова поначалу украдкой просачивались к бдительным язычникам с периферии. Появились *ангел, месса, епископ*, а с ними *алтарь, собор, аббатиса, монах, монахиня и стих*. С латынью проник греческий и поделился такими словами, как *пожертвования, псалмы, апостол, папа* и *школа*. Что не менее важно, уже существующие в древнеанглийском термины обогащались новыми значениями, обретая второе дыхание. Это, например, такие слова, как *heaven* и *hell*, которые сейчас обозначают рай и ад; или *Halig Gast* (святой дух), *Domesday* (судный день). Легендарная языческая богиня Эостре дала свое имя самому важному христианскому празд-

нику – Пасхе. Благодаря христианству в английскую литературу впервые, как гласит история, вошел обычный человек – пастух по имени Кедмон, который, следуя вере, без специального обучения, сочинил на английском языке вот такой гимн:

Nu scylun hergan hefaenricaes uard metudaes maecti
end his modgidanc...

В переводе на современный английский:

Now we shall praise the Keeper of the Heavenly
Kingdom, The power of the Lord of Destiny, and his
imagination...

(Ныне мы восславим Хранителя Царства
Небесного, / Творца мощь и Его замыслы...)

Это нортумбрийский вариант из рукописи VIII века. Здесь важны не только и не столько сами его слова: важно то, что через слова передается вера – новая для большинства англов, саксов и ютов, в смешении которых и родился язык, – и идеи, в ней заложенные. Идея воскрешения, жизни после смерти уже существовала в том или ином виде в германской культуре, а вот рай и ад были понятиями иного порядка, как и святые, ангелы, грех, и в особенности кроткий Спаситель и невоинственный Бог. Такова была интеллектуальная сложность Римско-католической церкви, ее зачастую запутанный и мучительный взгляд на материальный мир. Слово и понятие *martyr* (мученик), к примеру, открывало небывалые возможности нехристианам.

С продвижением Церкви вглубь страны, не в последнюю очередь благодаря приобщению обеспеченных и хорошо образованных аристократок, среди которых была, например, святая Хильда, процветала и христианская философия в целом. С ней проникала под панцирь английского языка латынь, которую с тех пор уже невозможно было ни вытеснить, ни оставить без внимания. Это была самая бескровная и, как показала история, наиболее успешная «пересадка» в язык, подарившая малообразованному языку-крепышу книжный образ мышления и слова, способные влиять на мировоззрение. Далее христианские идеи и термины будут подпитывать английский язык более тысячи лет. Это было первое столкновение английского языка с передовыми отрядами мысли, и постепенно, в течение многих веков, преодолевая привычные правила и предрассудки, английский язык уступал их натиску. Ограниченный местный язык начал открываться внешнему миру.

Богатые епископы отправлялись в Рим и везли оттуда картины, книги, священные реликвии, искусных мастеров, но важнейшим приобретением, доставленным ими к английским берегам, стала новая письменность – именно она начала придавать форму и динамику местному наречию.

Англы, саксы и юты пользовались рунами. Рунический алфавит футорк (назван так по первым буквам, подобно тому как алфавит назван по первым буквам греческого алфавита) состоял из символов, образованных преимущественно пря-

мыми линиями, поскольку так их было удобнее вырезать по камню, дереву или кости. Руны отлично подходили для кратких практических сообщений. Ими записаны решения некоторых загадок Эксетерского кодекса. Рунами могли записываться стихи, как на каменном Рутвельском кресте VIII века у города Дамфрис в Шотландии, изображающем события из жизни Христа. На этом кресте высечены рунические строки из поэмы «Видение креста», где о страстях Христовых рассказывает крест, на котором был распят Иисус.

Вот что говорит крест:

Древнеанглийский:

Ic wæs miþ blodi biSTEMID

В переводе на современный английский:

I was with blood bedewed

(Я был окроплен кровью...)

Руны годились не только для поэзии: они были развиты настолько, что с их помощью можно было бы записать даже «Войну и мир». Но их прямые линии предполагалось вырезать и высекать на твердых поверхностях – по дереву, металлу, камню и кости. Христиане же привезли с собой рукописные книги и иной шрифт, более подходящий для нового писчего материала – веленовой бумаги и пергамента.

Английский язык зародился на основе смешения племенных диалектов, но не имел развитой рукописной традиции, а без этого ему бы грозила участь обычного просторечия. Диалекты, основанные только на звучащей речи, нередко обречены на изоляцию, бесполезность и, в конечном счете, забвение. Иногда горстка оставшихся носителей спохватывается, осознавая, что потерять язык – значит потерять особый, неповторимый способ познания мира. Только письменность способна сохранить язык и вручить потомству необходимые ключи. Она пересечет любые границы. Письменная речь привносит точность, придает мысли четкую форму, оберегает от потерь. Мысли, изложенные на бумаге, могут в дальнейшем жить своей жизнью: их могут критиковать или иллюстрировать. Поначалу письменность выполняет вспомогательную функцию, но вскоре становится для многих основным источником, хранителем, величием и душой языка.

Слова письменной речи способны волновать воображение так же, как всякая объективная реальность: огонь, буря, гром, но при этом могут выражать и внутреннюю действительность: надежду, мысль, настроение – средствами, которые тоже будоражат воображение, вступая в контакт с этим удивительным свойством языка, пробуждая способность рождать новые слова, расширяя тем самым пределы внутреннего мира. Письменность помогает нам более полно осознать, что значит быть человеком. Выражение «И слово стало плотью и обитало с нами» можно отнести не только к

Христу, но и к алфавиту. Алфавит создал новый мир и вдохнул в него жизнь.

В первых рукописях использовался латинский алфавит, завезенный в Нортумбрию Айданом и другими ирландскими миссионерами. Он послужил основой древнеанглийского готического шрифта, а в монастырях монахи начали использовать удивительно приспособленное, четкое и изящное полуунциальное маюскульное письмо (шрифт, в котором прописные буквы обретают верхние и нижние части, выходящие за линию строки), которое сегодня можно обнаружить в Линдисфарнском евангелии. Монахи из местных, увидев эти знаки, оценили их по достоинству. Алфавит, составленный, по-видимому, безымянными клириками, уходил корнями в латинский, но примечательно рано – уже к VII веку – у древнеанглийского языка сформировался собственный алфавит. Это знаменательное событие можно сравнить с обретением интеллектуального огня. Всего 24 буквы – a, æ, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, r, s, t, þ, ð, u, uu (впоследствии ставшее w), y, – но именно отсюда проистекает могучая река вариантов, оттенков и виртуозной игры: от Шекспира до Джеймса Джойса, от Дэвида Юма до Ноама Хомского, от Фрэнсиса Бэкона до создателей модели ДНК Уотсона и Крика, до десятков тысяч научных изданий, романов, журналов и газет.

В ранние годы английский язык знал свое место, и место это было в буквальном смысле слова на полях: мы встречаем переводческие надписи, робко выведенные мелким неза-

мысловатым почерком над возвышающимися, искусно выписанными латинскими буквами, несшими слово Божье ради спасения душ англичан. Меня всегда чрезвычайно радовал тот факт, что первое великое английское произведение искусства – Линдисфарнское евангелие – оказалось книгой. Несмотря на то что над ним трудились мастера из других земель, местом создания все же была Нортумбрия, которой только предстояло стать частью современной Англии. Книга была выполнена в чистых ярких цветах, украшена орнаментом, сочетающим германские, ирландские и византийские мотивы, написана затейливыми буквами и отделана драгоценными камнями – чтобы народ исполнился благоговейного восхищения к вящей славе Божьей.

В нескольких милях от этого места, в монастыре святого Павла в Джарроу, в начале VIII века, примерно в то же время, когда было написано Евангелие, Беда – местный мальчик, попавший в монастырь в возрасте семи лет и ставший впоследствии выдающимся ученым, – написал «Церковную историю народа англов», которая определила положение и происхождение англов, саксов и ютов. Его выдающиеся способности и талант легли в основу истории английского языка. Его перу принадлежит более 30 книг на латинском языке, но сам он был убежден, что необходимо применять и язык народа. Вскоре после Беды английский язык отважился соперничать с латынью. Вначале письменный английский использовался преимущественно в утилитарных целях: для за-

писи законов, уставов, повседневных забот, – скучных для своего века, но ставших бесценными по мере течения времени. Но изредка, уже в VII веке, новый язык смело вторглся в самые важные предметы.

<i>Our Father</i>	<i>Fæder ure</i>	(Отче наш,
<i>Who art in heaven</i>	<i>ƿu ƿe eart on heofonum</i>	сущий на небесах!
<i>Hallowed be thy name...</i>	<i>Si ƿin nama gehalgod...</i>	Да святится имя Твое...

Если произнести вслух, сходство современного и древне-английского текста поразительно. В первых же строках – *ure / our* (наш); *Fæder / Father* (отец); *ƿu / who* (который); *eart / art* (есть); *heofonum / heaven* (небо). И далее:

<i>And forgyf us ure gyltas,</i>	<i>And forgive us our trespasses, as</i>	(И прости нам долги наши,
<i>swa we forgyfað urum</i>	<i>we forgive those who trespass</i>	как и мы прощаем должникам
<i>gyltendum</i>	<i>against us.</i>	нашим.)

Forgyf – forgive; gyltas (guilts) – trespasses.

Через время и пространство, сквозь толщу 13 веков, до нас доносятся голоса предков в словах, выражающих идеи и идеалы, востребованные по сей день: в словах на общем английском языке.

Но английскому языку, корни которого росли и крепились, этого было недостаточно: с самоуверенностью начинающе-

го игрока он заявил свои права на литературу. Трудно достоверно определить точное время написания «Скитальца», «Мореппавателя» и «Беовульфа», зато вполне можно предположить, что они произошли из интеллектуальных устремлений того времени – VII–VIII веков. Язык к этому времени уже освоился на новом месте – и вступил в игру. Эксетерский кодекс с его загадками открывает нам разнообразную игру слов, которую по сей день так ценят любители кроссвордов и игры в слова «Эрудит». В эпоху Раннего Средневековья, за которой несправедливо закрепилась слава темных веков, семена уже были посеяны в почву. Вот фрагмент единственной сохранившейся рукописи, хранящейся в библиотеке кафедрального собора Апостола Петра в Эксетере и содержащей 94 загадки.

Что это?

I live alone, wounded by iron,
Struck by a sword, tired of battle-work,
Weary of blades. Often I see war,
Fight a fearsome foe. I crave no comfort,
That safety might come to me out of the war-strife
Before I among men perish completely.
But the forged brands strike me,
Hard-edged and fiercely sharp, the handwork of smiths,
They bite me in the strongholds. I must wait for
A more murderous meeting. Never a physician

In the battlefield could I find
One of those who with herbs healed wounds
But my sword slashes grow greater
Through death blows day and night.

(Я сирота безродный,
изуродованный железом,
дрекольем исколотый,
по горло сытый бранью,
мечами посеченный,
я часто в драке
бываю, в свалке
не на живот, а на смерть,
и не ищу защиты
в нещадной сече,
но в битве я буду
разбит навеки,
молота потомком
измолот буду,
каленолезвым
железом кузнечным
изрезан в крепости:
мой жребий – грядущие
жесточайшие сечи;
залечить, я знаю,
ни единый не сможет
среди людей целитель
рваные эти раны
травяным зельем –

плоть моя уязвленная
лезвиями терзаема
и днем, и ночью
в резне смертоносной.)

А вот первые четыре строки этой загадки на древнеанглийском:

Ic eom anhaga iserne wund
bille gebennad, beadoweorca sæd,
ecgum werig. Oft ic wig seo,
frecne feohtan. Frofre ne wene,

Ответ: щит.

Величайшая из древнеанглийских поэм – «Беовульф», по имени скандинавского героя, который отправляется на помощь датскому королю Хротгару, чтобы защитить его от чудовища Гренделя. Это произведение называют первой великой эпической поэмой, написанной на древнеанглийском языке. Начинается она так:

Древнеанглийский:

Hwaet, we Gar-Dena in geardagum

Современный английский:

So, the Spear-Danes in days gone by
(Истинно! Исстари слово мы слышим о доблести

данов, о конунгах датских...)

Англичанин здесь вновь услышит собственный язык, но на этот раз сквозь призму искусства поэта или поэтов, использовавших приемы, присущие поэзии. Английский язык, словно прошедший горнило алхимии, едва можно узнать в литературном тексте.

Перевод Шеймуса Хини на современный английский знакомит с произведением наше поколение, храня и отголоски оригинала, например, в этом описании чудовища Гренделя:

Mynte se manscaða manna cynnes
summa besyrwan in sele þam hean.

Вот перевод Хини:

The bane of the race of men
roamed forth, hunting for prey in the high hall.

Onbræd þa bealohydig, þa he gebolgen wæs,
recedes muþan...

ac he gefeng hraðe forman siðe
slæpendne rinc, slat unwearnum,
bat banlocan, blod edrum dranc,
synsnædum swealh; sona hæfde
unlyfigendes eal gefeormod,
fet ond folma.

When his rage boiled over
He ripped open the mouth of the building
Maddening for blood...

He grabbed and mauled a man on his bench
Bit into his bone lappings, bolted down his blood
And gorged on him in lumps
Leaving the body utterly lifeless
Eaten up, hand and foot.

(Господом проклятый, шел Грендель искать поживы, крушить и тратить жизни людские в обширных чертогах. Едва он коснулся рукой когтелапой затворов кованых — упали двери, ворвался пагубный в устье дома... Тут же воина из сонных выхватив, разъяло ярое, хрустя костями, плоть и остов и кровь живую впивало, глотая теплое мясо; мертвое тело с руками, с ногами враз было съедено.)

Хини увидел в этих строках «полностью сформировавшийся поэтический язык, пригодный для искусных описаний». Выразительность его аллитераций и сила воздействия накладываются на смысловые тонкости. По утверждению Хини, этот язык «великолепно подходит и для действия, и для описания». Наиболее веским обоснованием права древнеанглийского языка на поэтическое величие является способность образовывать составные слова: кость и дом вместе составили слово *ban-hus* (тело, букв. «костяной дом»); для

арфы было придумано слово *gleo-beam* (веселье, песня и древесина); для щита – слово *wig-bord* (война и доска); метафора путь китов означала море, а морской конь (скакун по волнам) – корабль.

Где-то по пути между молитвой господней, законами страны и «Беовульфом» язык пустил глубокие и прочные корни в почву письменности. Латынь и греческий язык одарили человечество многочисленными литературными трудами в античном прошлом. Примерно в то же время на Востоке языками поэзии считались арабский и китайский. Но в тогдашнем христианском мире ни один язык не превзошел достижений автора «Беовульфа» и его безымянных современников, как в лоне церкви, так и вне ее.

Древнеанглийский язык обрел дом и заставил признать свое превосходство в новой стране, плодородной и разнообразной.

Но подобно тому как в V веке с берегов Фрисландии прибыл юный английский язык, в конце VIII века в 500 милях к северу его возможный губитель уже командовал боевым флотом. На другом языке.

2. Великое избавление

В рукописи одной из «Англосаксонских хроник» в записи от 793 года сказано:

«В этом году грозные предзнаменования появлялись в Нортумбрии и очень напугали жителей: невообразимо ярко вспыхивали молнии, в небе парили ужасные драконы, а вскоре начался сильный голод, после которого в тот же год, восьмого июня, язычники опустошили и разрушили Божью церковь в Линдисфарне, прибегнув к грабежу и убийству».

Викинги распоясались и на протяжении почти трех столетий опустошали набегами огромные пространства этих островов и часто селились на завоеванных землях, угрожая вытеснить язык, подававший такие большие надежды. На северные и западные берега Шотландии совершали набеги норвежцы, захлестнув на северо-западе Англии Камбрию. Наибольшую угрозу представляли силы датчан, чьи армии разграбили и затем заняли значительную часть центральных графств на востоке Англии. Как отмечалось в «Англосаксонских хрониках», они были язычниками, причем весьма воинственными и удачливыми в сражениях; у них не было причин отказываться от собственного языка, который имел тот же первоисточник, что и английский, но со временем развился в отдельный самостоятельный язык. Подобно кельтским языкам, английский столкнулся с угрозой притеснения и вы-

теснения.

Важно подчеркнуть, что использовать слово «английский» в таком контексте следует весьма осторожно. Вполне вероятно, кто-то все еще говорил на кельтском, а разрозненные германские диалекты, пусть и взаимопонятные, имели свои различия и никоим образом не были единым целым. При этом отец английской истории Беда назвал свой труд «Церковной историей народа англов», а это само по себе, в сочетании с ранним переводом его труда на древнеанглийский, явно указывает на существование сформировавшейся основы общего, единого языка. В этот процесс вторглись датчане.

Они срывали драгоценные камни с дорогих переплетов рукописей и носили их как украшения. Евангелие из Линдисфарна постигла та же участь, но, к счастью, сама рукопись чудом уцелела. Вернувшись через год после расхищения Линдисфарна, они разграбили Джарроу и сожгли знаменитую библиотеку, где в свое время черпал знания Беда. Кое-что удалось спасти, но создавалось впечатление, что целью набегов было искоренение того, что составляло главный ресурс для выживания английского языка: уничтожались книги. К середине IX века датчане занимали доминирующее положение в регионе. В 865 году они высадились в Восточной Англии с огромной армией и двинулись на юг, чтобы нанести хозяевам окончательное поражение. В 878 году они одержали решающую победу при Чиппенхеме. Уэссек-

су, последнему из былых королевств, суждено было вот-вот исчезнуть. Король Альфред, командовавший в то время английскими войсками, был вынужден бежать в Сомерсетские болота, называемые Равнинами. Согласно современным записям, он с небольшой группой выживших прошел «с трудом через лес в недостигаемые места». Настало время правления датчан.

Альфред – единственный английский монарх, удостоившийся прозвища Великий. Его называют Спасителем Англии. С этим именем в его точном значении можно поспорить, поскольку единой «Англии» тогда еще не существовало, а было нечто вроде федерации, которой лишь предстояло объединиться в будущем. Однако Альфред по праву может считаться спасителем английского языка: первое упоминание слова «английский» (*Englisc*) в отношении языка встречается именно в одном из его переводов – в предисловии к «Обязанностям пастыря» папы Григория I. При этом Альфред не только сохранил английский язык, но и закрепил его в сознании народа, используя язык для сплочения и, что более важно, в качестве основы для серьезной программы образования.

Однако это вряд ли казалось возможным в те дни, когда молодой король, скрывавшийся под чужим именем в хижине бедной женщины, задумался, сидя у огня и, как гласит предание, забыл про пшеничные лепешки, за которыми та поручила ему наблюдать; лепешки сгорели, и за это хозяйка

хижины строго выбрала гостя.

Потерпев поражение, он развернул активную партизанскую войну: устраивал то тут, то там мелкие и крупные пешие и конные налеты на оккупировавшие его землю силы датского завоевателя Гутрума.

Альфред сознавал, что партизанской войны недостаточно. Чтобы победить датчан, необходимо было спровоцировать их на открытое сражение. Армия Альфреда была расконцентрирована и разбита, но не уничтожена до конца. Весной 878 года Альфред собрал своих сторонников, воззвав к воинам фирд — ополчения из жителей графства, послужившего основой для формирования полков. К королю примкнули около 4000 человек, в основном из Уилтшира и Сомерсета. По сохранившимся сведениям, они были вооружены только щитами, боевыми топорами и метательными копьями.

Они собрались на пересечении дорог, у Эгбертова камня. Два дня спустя они выступили против пятитысячной датской армии, выгодно расположившейся на возвышенности в Этандуне (современный Эддингтон, в Уилтшире), на западной окраине равнины Солсбери. Молодой король возглавил войско, и, колотя по щитам, они ринулись на штурм. Как гласят исторические источники, за этим последовал разгром и бегство датчан. Современные историки оспаривают это, однако Альфред и его армия, без сомнения, одержали победу. Альфред вернул себе корону и королевство, а датчане сдались. Гутрум, предводитель датчан, принял христианство, а

на церемонии крещения присутствовал сам Альфред, ставший его крестным отцом. В память об этой победе – без сомнения, победе важнейшей для зарождающейся Англии и решающей для ее языка – на скалистом склоне холма в Уилтшире была высечена огромная белая лошадь. Альфред спас английский язык.

Стоит вкратце упомянуть и о том, как могло бы обернуться дело. Датчане отличались свирепостью и стремились к завоеваниям; займи они всю страну, победившим языком наверняка стал бы один из их (а не из «английских») диалектов. Имело бы это значение? Полагаю, что да. Их немногочисленные скудные записи не шли ни в какое сравнение с твердо установленными традициями завоеванных ими земель. Их отношение к письменному языку можно было в общих чертах сформулировать так: сжечь или (в более выигрышном для потомков варианте) отшвырнуть в сторону. И хотя эта разновидность германского диалекта могла со временем вырасти и укрепиться, понадобилось бы не одно столетие, и неизвестно, обладал бы другой язык, окажись он на грани исчезновения, таким же жизнеутверждающим сочетанием неистового упорства, поразительной гибкости и жизненно необходимой способности к поглощению, как английский.

После битвы при Этандуне английский язык не только выдержал испытания, но и расцвел, возмужал. Закаленный в

огне, он продолжил свой путь. На то были две основные причины: сам Альфред и страстно стремящаяся к самосохранению природа этого языка, который медленно, но упорно становился английским.

Иногда мне кажется, что викторианцы зря прозвали Альфреда Великим, сделав из него тем самым какого-то детского героя. Он стоил гораздо большего. Рассказывать обо всех его достижениях в рамках этой книги мы не будем, но, повествуя о языке, необходимо подчеркнуть, что вклад Альфреда в его развитие был исключительным.

Датчане потерпели поражение, но оказались упорным противником: они возвращались снова и снова. Альфред одержал победу, но война не была окончена. Он понимал, что его собственное королевство и племена, которые теперь ему подчинялись, все еще не оправились от понесенных потерь. Им необходимо было чувство безопасности и защищенности; они хотели быть на стороне победителя. И английский язык, используемый Альфредом, сплотил их. Этот человек первым (и далеко не последним) понял, что верность и силу можно завоевать, прибегнув к общему языку. Он заметил, что в самом языке, в повседневных словах заложена история и целостность, к которым можно обратиться. Он взялся за обучение народа языку так, чтобы люди гордились своим языком, объединялись вокруг него и были готовы за него сражаться.

Он сознавал, что датчане не покорятся и что численности его армии недостаточно, чтобы принудить их к этому, поэтому он провел границу через всю страну от Темзы до древней римской дороги Уотлинг. Земли к северу и востоку оставались под владычеством датчан и именовались Данелагом, областью датского права. Земли к югу и западу оставались за западными саксами, образовав ядро новой Англии. Граница была отнюдь не условной: пересекать ее было дозволено только торговцам. Этому проявлению коммерческого реализма суждено было принципиально изменить структуру английского языка в большей степени, чем всем остальным факторам до и после него. Торговля отточила язык и придала ему еще большую гибкость.

Нашествие викингов принесло в страну преимущественно датский язык. Однако вместе с ним сюда проник и родственный ему норвежский. Примерно до 1000 года эти диалекты мало различались между собой и были известны как «северная речь», или древнескандинавский язык. В центре Данелага эту речь пытались насадить так же настойчиво, как добивались военного суверенитета. Что интересно, успехи в этом направлении были довольно ограниченными – если не считать грамматики. На более поздних этапах английский язык приобретает грандиозную способность брать на вооружение, поглощать и преобразовывать другие языки, не жертвуя собственным словарным запасом и смысловым содержа-

нием, но сейчас, на раннем этапе, спустя 400 лет после того, как фризские и другие племена «пересадили» корни английского языка в народ, который потом будет тоже именоваться английским, язык продолжал проявлять небывалую строптивость: он принял не больше дюжины кельтских слов, всего около 200 латинских, и даже теперь от превосходящих сил противника в лице датчан в сокровищницу языка, насчитывавшую почти 25 000 слов, попало не больше полутора сотен слов. Это можно частично объяснить тем фактом, что власть была сосредоточена в Винчестере и тексты со всей страны переписывались здесь на западносаксонском диалекте. Кроме того, похоже, на этом этапе английский язык так глубоко пустил корни в местную почву, что сдвинуть его с места не представлялось возможным. Благодаря этой строптивности язык так прочно осел, что позднее, под тяжестью еще более разрушительных последствий Норманнского завоевания, он сохранил способность подпитываться с помощью глубоких и мощных стержневых корней.

Тем не менее норвежские и датские викинги поделились словами, которые заметно обогатили язык. В северных районах Англии слова, доставшиеся от новых завоевателей, преобладают в значительно большей мере, чем в южных, отражая раздел между севером и югом; по наблюдениям лингвистов, диалекты – йоркширский, нортумбрийский, джорди, камберлендский – обязаны своим звучанием прибывшим на галерах викингам, чей богатейший опыт судостроителей и

мореходов позволял им совершать потрясающие плавания – в Средиземное море, вокруг всей Европы и даже в Америку.

Память о викингах жива и особенно проявляется в топонимах, широко распространенных по всей территории Дании. Датские названия уверенно заняли и укрепили позиции на местном уровне. Можно насчитать по крайней мере 1500 таких названий, из которых более 600, например, заканчивались на *-би* (*-by*), что на скандинавском означало ферму или город.

Я вырос на северо-западе Англии, в нескольких милях от границы Озерного края, знаменитого горными ландшафтами (а гор в этой местности более 400) и 33 озерами. Озерный край был густо заселен норвежскими викингами, пришедшими сюда в основном через Дублин. Слова, которые они принесли с собой, прижились в местном диалекте и относительно спокойно просуществовали в нем на протяжении тысячи лет. Продолжим пример с *-би*: в нескольких милях от города Уигтона, в котором я вырос, расположены Айрби, Терсби, Уиггонби, Корби, Лазенби, Торнби, Довенби и Гэмблсби; из более известных названий можно упомянуть Дерби, Нейсби и Регби. Окончание *-торп*, обозначающее деревню, можно увидеть в таких названиях, как Сканторп, Алторп и Линторп. Окончание *-туэйт* (участок земли) тоже встречается в названиях по всему северу; в одном только Озерном крае есть Бассентуэйт, Миклтуэйт и Ростуэйт. В названиях Лоустофт, Истофт и Сандтофт прослеживается *-тофт* –

жилище с прилегающим участком. Есть и другие, менее известные, но тем не менее дошедшие до нас названия, данные викингами: Озерный край испещрен долинами, которые на древнескандинавском назывались *dale*, например Борроудейл (долина с укреплением), Васдейл (долина с озером), Лангдейл, Эскдейл, Паттердейл. Иногда части названий происходят из разных языков и смешиваются, как, например, в случае с деревней Бленнерхассет в Камбрии: *blaen* означает вершину холма на кельтском, а *heysætr* – пастбище на древнескандинавском. А Кезвик (Keswick), один из важнейших городов Озерного края, представляет собой застывшую форму древнеанглийского *cesewic*, что означает сырную ферму; однако без влияния викингов это название сейчас звучало бы как Чезвик (Cheswick) или Чезвич (Cheswich). Словом, датчане разбивали лагеря и давали им свои имена, причем настолько выразительные, что те сохранились и по сей день.

То же можно сказать и про фамилии, доставшиеся от викингов, и опять в основном на севере. Датчане образовывали фамилии, добавляя *-son* (сын) к имени отца. Загляните на территории бывшего Данелага в местные газеты или документы и обнаружите повсюду этих «сыновей». Со мной в школе учились Джонсоны, Паттисоны, Робсоны, Гаррисоны, Ролинсоны, Ватсоны, Николсоны, Гибсоны, Дикинсоны, Хадсоны, Хьюитсоны, Стивенсоны. И по сей день здесь значительно больше лавок и предприятий с названиями вроде «Гаррисон», «Джонсон» или «Вилкинсон» и прочих сы-

новой, чем в любой другой части страны, хотя за века люди нередко переезжали с места на место по сравнительно небольшим островам, составляющим Соединенное Королевство.

Итак, они обозначали места прибытия и приносили с собой имена. Количество слов, вошедших в обиход, было гораздо меньшим, чем можно было ожидать при таком масштабном вторжении, однако, словно компенсируя немногочисленность, многие из них стали ключевыми. К примеру, *they*, *their* и *them* (они, их, им) постепенно вытеснили более ранние формы (хотя в Лондоне они вошли в употребление только к XV веку). Ранние заимствования включают *score* (счет, очко), *steersman* (штурман, рулевой), образованное по аналогии с древнескандинавским вариантом, и они могли получить распространение в языке вместе с *get* и *both*, *same* и *gap*, *take* и *want*, *weak* и *dirt* (получать, оба, тот же, щель, брать, хотеть, слабый, грязь).

Заурядность и повседневность этих заимствований поразительна. Среди других примеров – *birth*, *cake*, *call*, *dregs*, *egg*, *freckle*, *guess*, *happy*, *law*, *leg*, *ransack*, *scare*, *sister*, *skill*, *smile*, *thrift* и *trust* (здесь в алфавитном порядке перечислены слова: рождение, пирог, зов, отходы, яйцо, веснушка, угадывать, счастливый, закон, нога, грабить, пугать, сестра, навык, улыбка, бережливость и доверие). Одной из характерных черт древнескандинавского было звуко сочетание [ск], вошедшее в английский язык со словами *score* (счет), *skin*

(кожа), *sky* (небо) и т. п. Из древнеисландского пришли и такие слова, как *knife*, *hit*, *husband*, *root* и *wrong* (нож, удар, муж, корень, неправильный).

Это свидетельствует о том, что такие слова, пусть и немногочисленные, послужили основой английского языка. Возможно, на данном этапе язык принимал только те слова, которые помогали ему в описании своего мира и которые не противоречили его основам. Это особенно заметно на примере лексических пар раннего периода. В следующих примерах сначала приведен древнескандинавский вариант, а за ним следует древнеанглийский. Наряду с *hale* (крепкий, сильный) использовалось *whole* (цельный, здоровый); в исландском вы были бы *ill*, в английском – *sick* (болен); *skill* (мастерство) уживалось рядом с *craft* (ремесло), *skin* (кожа) примкнуло к *hide* (шкура); некоторые из этих слов получили широкое распространение уже после завоевания Англии норманнами. Поначалу оба слова в паре, вероятнее всего, обозначали одно и то же понятие или условие, но их значения слегка отличались, что было со временем использовано для дальнейшего их разграничения. Такое дублирование и последующее разделение стало одной из самых продуктивных и стимулирующих развитие особенностей английского языка. Это отчетливо проявляется на примере небольшого, но устойчивого ряда лексических пар в донорманнский период.

А вдоль границы Данелага, на торговых заставах, начинал-

ся великий сдвиг в грамматике. Это единственный случай в истории английского языка, когда менялся сам его грамматический строй.

В древнеанглийском языке, как и в латыни, значение передавалось с помощью флексий. Важной особенностью флексивности является гораздо более свободный порядок слов, чем в современном английском. В целом в древнеанглийском уже использовался тот порядок слов, который характерен для этого языка в наши дни (самым распространенным является порядок подлежащее – глагол-сказуемое – дополнение), но это не было жестким правилом. Если, к примеру, англ хотел сказать, что *собаки убили кошку*, он должен был использовать для *кошки* форму винительного падежа и правильную форму глагола, чтобы донести нужный смысл, то есть чтобы утверждение указывало на смерть кошки, а не собак. Фразы строились не за счет порядка слов, а путем присоединения к словам окончаний – вроде артиклей или местоимений. Вследствие контакта с датским языком, который не так уж и отличался от английского, многие английские окончания постепенно утратили различительный характер. Грамматическое слияние происходило в основном в приграничных торговых поселениях. Слова следовали за торговлей. Основной движущей силой, по-видимому, была ясность для торговых отношений.

Окончания слов отпали. На смену им пришли предлоги, что отдалило язык от остальных германских языков и при-

близило к современному английскому. Вместо того чтобы добавлять к словам окончания, теперь можно было использовать предлоги: *I gave the dog **to** my daughter* (я подарил дочери – букв. «для дочери» – собаку); *I cut the meat **with** my knife* (я режу мясо ножом – букв. «с ножом»). Более значимую роль стал играть порядок слов, и все чаще в предложениях стали встречаться предлоги в качестве указательных знаков.

Такой отход языка в сторону современности не значит, что аналитический язык обязательно проще флективного. Когда так много содержания вложено в порядок слов, изучающему английский язык иностранцу легче изъясняться на этом языке, легче ошибиться словом, но все же быть понятым. Это изменение в грамматике подарило языку еще большую гибкость.

В некоторой степени это началось еще до прихода викингов. Процесс, ставший в итоге сильной стороной нашего языка, проходил постепенно, нерешительно, хотя и был заметно ускорен на границе с Данелагом. Изменения окончательно закрепились только несколько веков спустя.

Полагаю, мой интерес к языку зародился еще в детстве, когда я пользовался по крайней мере двумя его разновидностями, и в обеих смутно ощущались отголоски прошлых веков.

Я до 16 лет говорил на камберлендском диалекте, отли-

чающемся своим произношением и значительным количеством местной лексики. Дальнейшее влияние школы и нормативная речь дикторов Би-би-си постепенно вытравили акцент. Диалектные слова были забракованы, когда я начал выезжать за пределы страны: с ними меня попросту не понимали. Однако много лет спустя я по-прежнему мог воспроизвести свой акцент и помнил эти слова. Друзья в родном городе до сих пор используют некоторые из них и при необходимости легко переключаются с местного диалекта на общепринятый английский. Разные слои лексики накладывались один на другой, часто новое слово вытесняло старое, и эта мелкая путаница вызывала у собеседника усмешку, а у меня – сожаление о том, что старое уступает позиции новому.

Мне подумалось, что мой опыт в местном масштабе мог в некоторой степени отражать положение дел с английской речью в IX веке. Чтобы проверить это предположение, я пролистал словарь камберлендского диалекта в поисках некоторых часто употребляемых мной слов.

Начнем все же с акцента. В 40-х и 50-х годах прошлого века уигтонцы, как и жители множества других городков и поселений тех лет, жили на сравнительно небольшой территории и редко переезжали с места на место, не считая случаев, когда война уводила мужское население или эмиграция переманивала отчаявшиеся или отчаянные семьи. Здесь преобладало сельское хозяйство, и слова из сельскохозяйственной лексики были не менее распространены, чем 100,

200 или даже 300 лет назад. Интеллигентному собеседнику сильный местный акцент мог показаться грубым. Честолюбец, пробивший себе дорогу в другой социальный класс, мог даже притвориться, что понимать этот невнятный акцент – ниже его достоинства. Однако акцент бережно хранил историю языка и пронес сквозь века его звучание и словарный запас.

Местоимение *I* (я) всегда произносилось не иначе как [aa]. Определенный артикль *the* часто усекался до 't: 't bike, 't horse. Отдавали должное звуку [r], произнося *right* как rrreet, и громкогласно звучало даже конечное [r] в слове *remember*.

Люди распознавали различия настолько тонкие, что для постороннего уха это казалось столь же непостижимым, как дарвиновская классификация выюлков. Говор жителей Уигтона несколько отличался от говора, распространенного в Аспатрии или Карлайле (в 8 и 11 милях от Уигтона), и значительно отличался от ньюкаслского (в 60 милях от него). Они все еще больше походили на скопление взаимопонятных разноплеменных диалектов, чем на единый язык, под сенью которого расположилось несколько подгрупп. Иными словами, диалект процветал с самого начала, полагаю, так же, как в IX веке и на протяжении следующей тысячи лет.

Мы обращались друг к другу *thee* и *thou*, будто только что сошли с палубы «Мейфлауэра». Библия короля Якова дала нам не только просодию и ритмику, но и метафоры и цитаты. На слуху было много цыганских слов, потому что на

территории Уигтона издавна обосновался цыганский табор и оживленно шла торговля лошадьми. Цыгане называли лошадь *grey*, и *good grey* (или *baary grey*) означало хорошую лошадь. Цыганки плели тростниковые корзины и обходили дома *гаджи* (местных жителей), предлагая корзины и вешалки для одежды за *lure* (деньги), и с ними в нашу речь вошли *togs* (одежда), *cady* (шляпа), *chaver* (мальчик), *mort* (девочка), *raggered* (запыхавшийся) и т. п.

Слово *cower* означало любую вещь, а *tang nix* – «ничего не говори». Были и сотни местных вариантов произношения слов основного словарного запаса: [byeuk] – *book*, [watter] – *water* (как в краю Вордсворта), *up* было [oor], *down* – [doon], слова *play*, *say* и им подобные звучали как [plaay] и [saay]; *us* стало [uz], *face* – [feace], *finger* – [fing-er]. Из *seest thou*, что сейчас передается как *do you see?* (видишь?), было образовано *siste*. Без сомнения, к этой коллекции примешивались и слова из латыни, французского и итальянского, испанского и индийских языков, но написание и заднеязычное произношение «г» было ближе к древнеанглийскому, чем к современному английскому языку. Это было Вавилонское столпотворение на английском фундаменте.

Мы, дети не старше 12 лет, в 1940-е годы обожали говорить по-своему. Речь наша звучала, к примеру, так: *Deke's you gadji ower yonder wid't duka! an't baarry mort gaan t'beck*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.